

Пути национального воспитания в образовательной системе русской эмиграции 20-30-х гг. XX века

Е.Е.Седова

Созданная в Российском Зарубежье система образования представляла собой уникальное явление в истории мировой педагогики и культуры.

Национальные ценности образования были безоговорочно признаны приоритетными именно тогда, когда русская система образования (начиная от дошкольных и заканчивая высшими учебными заведениями) оказалась в самых неблагоприятных для их реализации условиях. Жизнь в условиях эмиграции сделала школу по существу единственной, кроме семьи, возможностью сохранения родной культуры. Главной задачей русской школы в условиях эмиграции было «дать детям русских беженцев образование и воспитание в истинно-национальном и патриотическом духе на православных началах»^[1]: «В детях наше будущее, - отмечали педагоги, - и, если мы хотим видеть будущее поколение, идущее нам на смену, религиозным, преданным родине и умеющим работать, мы должны приложить все усилия, чтобы сделать их таковыми». ^[2] Дети русской эмиграции – это особый тип детей, прошедших все тяготы и лишения революции, гражданской войны, беженства, скитаний и лишений. Известный эмигрантский педагог А. Беме предлагал дифференцировать их на две большие группы: «сохранившихся детей» и «душевно раненных» («детей-взрослых»). Их объединяло ослабление роли семьи в жизни ребенка и издержки старой школы, «дополнявшей семью, но не восполнявшей ее». ^[3] А потому требовалось первоначально создать школу физического и психического здоровья, а затем уже школу знания.

Исследователи Российского Зарубежья выделяют комплекс специфических черт русской эмиграции. ^[4] Применительно к проблемам педагогики и образования их можно свести к следующей характеристике:

1) стремление к сохранению и развитию национальной культуры через образовательный процесс (основой которого должны были стать освоение исторических традиций, религии, языка), вызванное высокой потребностью русских эмигрантов в деятельном сохранении и поддержании особой социально-психологической, языковой и культурной среды, которая позволяла не просто «остаться русскими людьми», а сохраниться в качестве активных граждан великой страны, готовых принять участие в её грядущем возрождении;

2) развитие национально ориентированных форм духовной жизни и деятельности: художественно - эстетической, философской, научной, образовательно - просветительной, религиозной, военной;

3) объединение и институцирование жизни и деятельности диаспоры в форме различных сообществ - педагогических, образовательных, религиозных, культурных и др., обеспечивавших духовную целостность;

4) создание единого образовательного пространства и национальной системы образования - от дошкольных учреждений до высшей школы.

В работах отечественных исследователей ^[5] сложилась периодизация функционирования русской школы в эмиграции:

- Первый период (начало 20-х гг.) отличается стихийным развитием школьного дела, так как незавершен процесс окончательной оседлости эмиграции. Открыты первые учебные заведения. Начинают формироваться общественные организации.

- Вторым периодом (середина – конец 20-х гг.) характеризуется стабилизацией школьного дела. Создано наибольшее количество школ. Начинается процесс унификации учебных планов и программ, издание учебной литературы.

- Третьим периодом (30-е гг.) - нарастание кризисных явлений в развитии школьного дела, но одновременно усиление интереса к внешкольному образованию, которое признается наиболее эффективным средством сохранения национальной русской культуры в среде эмигрантов, особенно подрастающих поколений. Расширение сети внешкольных учреждений (воскресно-четверговые, церковно-приходские школы, курсы, народные университеты и др.).

- В четвертый период (конец 30-х - 40-е гг.), обозначившийся по ряду причин политического, социально-психологического, демографического и др. характера кризис эмиграции привел к сокращению числа школ и других учебных заведений, что потребовало усиление внешкольного направления в воспитательной деятельности общественных, просветительских,

педагогических объединений.

На процесс формирования образовательного пространства и педагогической теории Российского Зарубежья оказывали воздействие различные факторы:

- демографический фактор - наличие в эмиграции большого количества детей и юношества;
- присутствие в Русском Зарубежье большой группы выдающихся российских ученых и педагогов;
- угроза «денационализации» русских детей и юношества;
- формирование общественно-педагогического движения эмиграции;
- разработка философско-педагогических и методических основ русского образования в эмиграции.

Объективной предпосылкой развития русской системы образования за рубежом был демографический фактор, т.е. наличие детско-юношеской эмиграции, оказавшейся в силу обстоятельств вне Родины, вне школы и, нередко, вне семьи. Детская и юношеская эмиграция, по разным оценкам, составляла до 30% от общего состава эмиграции. Утрата Родины, семьи, школы привели к нравственной деградации части детей, потере ценностных ориентации и снижению уровня культуры и, в особенности к «денационализации» личности, отсутствию или низкому уровню знаний о России, забвению родного языка, религиозных традиций и т.п.

С другой стороны, в русском зарубежье наблюдался высокий уровень образованности по сравнению со средними показателями, характерными для дореволюционной России. Примерно две трети взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все - начальное, каждый седьмой - университетский диплом.^[6] Кроме того, в эмиграции оказывается цвет российского образования и науки. Прежде всего, большая группа академиков Петербургской (Российской) Академии Наук: историки А.А.Васильев, П.Г.Виноградов, Н.П.Кондаков, М.И.Ростовцев, Е.Ф.Шмурло; филологи Н.А.Котляревский и В.А.Францев и многие другие; 140 профессоров российских университетов и институтов, более тысячи ученых разных профилей и специальностей. Уже будучи в изгнании, многие из них проявили интерес к вопросам школы, образования и педагогики. Среди них историки П.М.Бицилли, Н.А.Ганц, литературоведы А.Л. Бем, М.М. Гофман, филолог С.И. Карцевский, правовед А.В. Маклецов, социолог П.А. Сорокин, биолог М.М.Новиков, врач В.В.Руднев. Значительную группу составляли видные организаторы высшего образования России: ректоры университетов директора институтов, начальники военных академий^[7]. В изгнании оказались министр народного просвещения граф Н.П. Игнатьев, попечители ряда учебных округов. Все они имели уникальный опыт работы в российской средней и высшей школе и, будучи в эмиграции, нуждались в соответствующей их квалификации работе. Особняком стоит группа русских философов – С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.И. Гессен, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский и др., для которых проблемы национального сохранения в эмиграции также напрямую связаны с национальным образованием и воспитанием, и которые создают мощную философско-религиозную базу для разработки проблем образования Российского Зарубежья.

Объективно понятно, что ассимиляция беженцев в культурную среду стран расселения была условием выживания в эмиграции, но в то же время в надежде на скорейшее возвращение на родину русские эмигранты стремились сохранить национальное самосознание молодого поколения, обеспечив его надлежащим образованием и воспитанием. Под национальным воспитанием в условиях эмиграции понимался сознательно организованный процесс развития и формирования национально значимых черт личности детей и подростков, отражающих ценности, исторические традиции и культуру русского народа, необходимых для сохранения родного языка, национальной идентичности, эмоционально-ценностного отношения к своему отечеству и успешной практической деятельности как в будущей России, так и в инокультурной и инациональной среде^[8].

Решение этой социальной и педагогической проблемы и ставило задачу создания системы национального образования подрастающего поколения, которая включила в себя комплекс учебных заведений и внешкольных учреждений, осуществлявших образование и воспитание подрастающего поколения путем создания русского микросоциума. Несмотря на отсутствие объективных причин и условий для сохранения национального характера русской школы, общественная мысль не отказалась от этой идеи.

Необходимость в создании системы национального образования в эмиграции была вызвана, прежде всего, процессом денационализации, который начался в эмигрантской среде уже в 20-е годы, и мог особенно пагубно повлиять на сознание молодого поколения. Денационализацией в литературе российской эмиграции 20—50-х годов назывались угроза и реальные явления утраты подрастающим поколением личностных установок на сохранение национальной идентичности, языка, культуры и принятие ими под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны

проживания.^[9]

Н.С. Хрусталева, с позиций современной социальной психологии, так оценила процесс сохранения культурной самоидентичности русских эмигрантов «первой волны»: «Осознание своей принадлежности к особой культурной группе, к русской диаспоре со всеми ее национальными традициями, жизненным укладом и социокультурными ценностями, ощущение себя частичкой этой группы, осознание своих национальных и культурных корней — все это позволило основной массе этих эмигрантов, несмотря на состояние психологической раздвоенности и тяжелые бытовые условия, достойно выжить, выстоять, постоянно ощущать смысл жизни и избежать тяжелых форм деформации личности».^[10]

Н.А.Тэффи облекла в юмористическую форму сложную социокультурную проблему, с которой столкнулось старшее поколение эмигрантов: отсутствие национальной самоидентификации, появление комплекса примитивных представлений о покинутой родине приводили к тому, что неизбежным становился внутренний конфликт, закладывавший в психику молодого человека отсутствие четко сформулированной национальной идеи, национальной самоидентификации и патриотизма. Так, в фельетоне «На новый, 1927 год» автор с горечью отмечает тот культурно-исторический сумбур, который образовался в сознании русских детей за границей: «А интересно, какое у наших беженских детей, не помнящих старой России, составилось представление о ней? Во-первых, какой-то сплошной борщ. Борщ с кашей, борщ с салом, борщ с ватрушками, борщ с ветчиной. По губерниям - где что. Затем в губерниях были города и пейзажи. В городах жили губернаторы. В пейзажах - пейзажи, или мужики... Мужики были - талантливый русский народ. Они пели народные песни и ели народные блюда»^[11].

А.М. Ренников в статье «Грустное времяпрепровождение» в 1928 г. писал: «Забыть начали многие, чему их учили в России, в каких нравах воспитывали. И если в чем есть еще у нас утешение, то разве в одном: что занятием ссорами и дразнями опустившиеся люди убивают пока только тягучее и подлое время, а не просто друг друга»^[12].

Для Ренникова духовное выживание российской эмиграции было непосредственно связано с сохранением национальных традиций, языка и образа мышления. В своей статье, опубликованной в 1927г., А.М. Ренников с горькой иронией писал: «Помни, что ты беженец, и ничто беженское тебе не чуждо. Терпи, надейся, работай, ходи на благотворительные концерты, жертвуй, танцуй, рассуждай, заседай и не забывай, что ты русский человек. И пусть не будет у тебя иного подданства, кроме русского. Не выходи замуж за иностранца и не женись на иностранке с целью выскочить из беженского положения. Эти поступки мы хорошо знаем и оцениваем хуже всяких прелюбодеяний»^[13].

Система национального воспитания, созданная эмигрантами, имела мощную философско-педагогическую основу. Педагогами и мыслителями Русского Зарубежья были разработаны философско-педагогические и методические основания русского образования в эмиграции. По мнению М.В. Богуславского^[14], отечественными мыслителями в условиях эмиграции была создана оригинальная философия образования, основанная на соединении общечеловеческих и национальных ценностей (С.И.Гессен); определены психолого-педагогические основы формирования у подростков и юношества национального самосознания и разработаны концептуальные основы православного воспитания как базиса для развития патриотизма (В.В.Зеньковский); установлены действенные формы и средства воспитания патриотизма в результате вдумчивого использования национальных ценностей образования (И.А.Ильин).

Концепция национального образования С.И.Гессена выкристаллизовывается через сравнительный анализ идеалов национального образования К.Д.Ушинского и Фихте. Споря с К.Д.Ушинским, Гессен утверждает, что национальное образование – это не столько проявление уже сформировавшейся «народной души», сколько приобщение народа к культурному преданию, а безусловным достижением теории национального образования, разработанной Фихте, считает то, что тот первым увидел проблему национального образования в отношении народа к внешней культуре: «Нация не есть нечто противоположное человечеству, но стиль творческого усвоения народом общечеловеческого культурного содержания».^[15] Эта характеристика С.И.Гессена трактовки национального у Фихте вполне соответствует и его собственным представлениям. С.И.Гессен выводит главную задачу национального образования: «Приобщение всех слоев народа к культуре, и, в частности, к образованности как высшему ее проявлению». Разрешение этой задачи требует от всякого, кто приступает к творчеству, чтобы он свои усилия примкнул к усилиям и достижениям предыдущих поколений.

Страстным проповедником всего национального, в том числе в вопросах воспитания, был И.А.

Ильин, который считал, что воспитание должно приобщать ребенка, прежде всего, к национальному духовному опыту, прививать людям с раннего детства «творческий национализм». Этот термин не имел в работах ученого современного негативного значения и был для И.А.Ильина абсолютным синонимом слова «патриотизм». По мнению мыслителя, обретение родины переживается каждым человеком самостоятельно и самобытно, «нет единого, для всех людей одинакового пути к родине».

[16] Ученый выводит педагогическое требование о том, что патриотическое воспитание должно быть связано с религиозным миропониманием, которое приобщает национально-патриотическое чувство к категории высших ценностей. Поэтому педагог, прививая любовь к России, должен с достаточной полнотой освещать роль Православной Церкви в судьбах Российского государства, углублять национальное сознание до его религиозной основы.

И.А. Ильин предложил конкретные средства патриотического воспитания. По его мнению, семья выступает как первооснова Родины, именно здесь происходит передача из поколения в поколение национальных традиций. Уклад жизни, быт бессознательно воздействует на душу ребенка. Мыслитель считает, что, в первую очередь, необходимо приобщать детей к родному языку, вмещающему в себя все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Он убежден, что обучение иностранным языкам следует отложить до тех пор, пока ребенок не научится бегло говорить на родном. Русская песня, которую дитя слышит еще с колыбели, помогает усвоить русский строй чувств. А хоровое пение, которое распространено у русских, «национализирует и организует жизнь» [17]. Национальное воспитание неполно без русской сказки, которая заселяет детскую душу «национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу». [18] Жития святых и героев пленяют воображение ребенка примерами национальной святости и национальной доблести. И.А. Ильин говорит о необходимости использования поэзии и искусства в деле воспитания: «Русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется». [19] По мере взросления ребенку открывается весь мир национального искусства - от архитектуры до живописи, от музыки до скульптуры. Еще одно средство патриотического воспитания, считает Ильин – труд, который помогает «почувствовать и осмыслить Россию, как бесконечное и едва початое трудовое поприще» и пробуждает интерес к национальному хозяйству. Особое место И.А. Ильин отводил истории с богатым краеведческим материалом. При ее изучении ребенок должен с самого начала понять, что он сын великого русского народа, имеющего трагическую и поучительную историю. К национальным ценностям и, одновременно, средствам воспитания относится молитва, как сосредоточенная и страстная обращенность к Богу

Для выработки программ и правил воспитания и образования русских детей в эмиграции в 1923 г. в Праге было создано Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей под председательством В.В. Зеньковского, который считал борьбу с денационализацией русских детей одной из главных для педагогов.

На Съезде по вопросам воспитания русской молодежи (1929, Прага) бурное обсуждение вызвал доклад Н.А. Чернышева «Национальное воспитание и познание России». Участники Съезда постановили:

1. «Признавая чрезвычайную ценность и совершенную необходимость русского национального воспитания, призываем семью и школу развивать и укреплять связь детей с родиной, выдвигая как основу национального воспитания приобщение их к русской культуре творчески объединившей в России ее многоплеменной состав.

2. Съезд находит, что молодое поколение должно воспитываться в сознании своей принадлежности к великой стране, перед которой открыты великие возможности и великое будущее. В молодом поколении должна быть воспитана смелая и бодрая уверенность в грядущем ее развитии.

3. Для этого необходимо не только изучение исторического прошлого России, но и приближение к родной стране путем ознакомления с ее настоящим положением.

4. Этим путем молодое поколение проникнется сознанием своих обязанностей перед Родиной и ответственностью за ее судьбу» [20].

Педагогическое бюро выработало программу действий по борьбе с денационализацией, а именно: широкая информация русской общественности о надвигающейся опасности; создание культурно-национальных объединений; развитие системы русских школ при пересмотре программ преподавания с учетом значения отдельных предметов в системе национального воспитания; развитие системы внешкольного образования; активизация литературно-издательской деятельности в области издания русской классики и детской литературы; всемерная поддержка форм русского быта; моральная и материальная помощь детям-сиротам; организация праздников русской культуры.

Исходя из концептуальных положений были сформулированы цели русского образования в

условиях эмиграции, которыми явились: воспитание в русских традициях высокообразованного, способного к созидательной деятельности гражданина своей исторической Родины, сохранение культурного наследия России, национального самосознания, национальной идентификации молодого поколения эмигрантов, включение его в интеркультурный диалог, во взаимодействие с носителями славянской культуры.

Объединению образовательного пространства Российского зарубежья и выработке основной концепции национального воспитания способствовала и педагогическая печать - «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей» и журнал «Русская школа за рубежом» издавались в Праге. Бюллетень являлся органом Педагогического бюро, координировавшего деятельность русских эмигрантских школ. «Русская школа за рубежом» издавалась Объединением земских и городских деятелей в Чехословакии в тесном контакте с Педагогическим бюро и профессиональным объединением русских учительских организаций за границей. Журнал стремился стать идейным центром русской педагогической мысли за границей и продолжать традиции отечественной школы. Наряду с этими изданиями в 1923 - 1924 гг. в Берлине издавался педагогический журнал «Вестник самообразования» (под общей редакцией профессора Н.Н. Алексеева, П.Ф. Андерсона, профессора А.А. Боголепова и профессора А.Я. Ященко), в 1922 г. в Харбине – «Вестник Маньчжурского Педагогического общества» (редактор Н.И. Никифоров), в 1925 - 1926 гг. в Харбине же - «Вопросы школьной жизни» (издание Союза учителей КВЖД), в 1928 - 1936 гг. в Париже – «Религиозно-педагогический бюллетень», в 1926 - 1931 гг. в Словакии – «Русская школа».

Сравнивая основные задачи гимназии, действовавшей в России и в эмиграции, воспитатель интерната Шуменской гимназии Александр Петрович Дехтерев писал: «Русская школа в эмиграции выступает в новой уже для нее роли, о которой трудно было и думать в прежнее время: в роли не только охранительницы национального лица русских детей, но, и больше того, спасительницы их человеческого лица»[\[21\]](#).

Первоначально содержание образования в эмигрантских школах было неоднородным, педагоги придерживались старых дореволюционных программ, которые не отвечали сложным условиям эмиграции. Так, планы классических гимназий реализовывались в Варненской и Софийской гимназиях (Болгария), русской гимназии в Праге (Чехословакия), Берлинской и гимназии в Данциге (Германия) и других. Среди реальных училищ можно назвать Пановичское реальное училище (Югославия), гимназию в Нарве (Эстония).

Русские школы должны были согласовывать свои программы с требованиями государственных школ. Так, Министерства Народного Просвещения Болгарии, Сербии и Чехословакии требовало изучения языка, истории, географии и литературы страны проживания в объеме местных школ, и, кроме этого, введение в учебные планы предметов: в Сербии - геометрии, в Болгарии - естественной истории, химии, политической экономии и рисования. [\[22\]](#) Попытки механически соединить эти требования с программами эмигрантских школ приводили к перегруженности учебных планов и переутомлению учеников.

Утерянное единообразие учебного и воспитательного процесса, разорванные духовные и культурные связи с родиной привели в итоге не только к плюрализму в образовательных программах, но и к широкому спектру трактовок исторического развития России, ее языка и культурного наследия. Российский психолог и писатель Н.В. Краинский, исследуя негативные последствия такого образования и воспитания молодого поколения российских эмигрантов, описывал характерные проявления общего кризиса в его духовной сфере: «Папаша, старорежимный чиновник дореволюционной России, был в большом смущении: с сыном, четырнадцатилетним гимназистом русской гимназии в эмиграции, было неблагополучно. Он стал проявлять странности и педагоги объявили отцу: «порочный мальчик». Дерзок не только с матерью, с преподавателями. Грозил исключить и пришлось обратиться к психиатру за медицинским свидетельством, чтобы спасти подростка от надвигающейся грозы». [\[23\]](#) В результате врачебного исследования родители стали свидетелями того духовного и ментального кризиса, в котором пребывал молодой человек: «Юноша говорил о родине, которую покинул пятилетним мальчиком. С непоколебимой убежденностью будущего фанатика он повторял плохо усвоенные утверждения старших и изливал на старую Россию ненависть и злобу. Юноша говорил: «Россия? Я знаю, что это страшно отсталая и некультурная страна! Цари ее все были дрянь - прочтите учебник Сухотина. Несмотря на то, что занимала большую территорию, — было бы лучше, если бы она была мала, как, например, Болгария... Русский язык, конечно, не велик, - плохой язык! В нем много иностранных слов. Русская интеллигенция портила язык. Пушкин тоже не настоящий русский, он писал сначала по-французски. Все время немцы нас

били! Все русские думают, что если ругают Россию, значит дрянь. Я ругаю Россию, но я не дрянь».

[24]

Выход из сложившейся ситуации следовало искать в разработке единого учебного плана и общего типа средней школы. Условия эмиграции требовали создания нового типа школы, который, с одной стороны, воспитывал бы граждан знающих и любящих Россию, а, с другой, готовил детей к реальной жизни на чужбине. За основу был взят проект, разработанный в 1915-16 годах под руководством графа П.Н. Игнатъева и невостремленный в России. Развивая традиции К.Д. Ушинского, в проекте первое место уделялось изучению родного языка и литературы, а также истории и географии России. В этих предметах П.Н. Игнатъев видел главный инструмент национального воспитания учащихся. Данный проект был взят за основу русскими зарубежными школами. Воззрения выдающихся отечественных педагогов дореволюционного периода (П.П. Блонского, П.Ф. Каптерева, М.М. Рубинштейна, В.Н. Сороки-Росинского и др.) по вопросу соотношения общечеловеческих и национальных начал в образовании позволили в условиях эмиграции воспитать граждан, уважающих и любящих Россию. По данному учебному плану был организован образовательный процесс в Салоницкой гимназии (Греция), Шуменской, Пловдивской, Пешерской (Болгария), русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия), Гельсингфорской (Финляндия) и многих других. "Игнатъевская" модель позволяла осуществлять непрерывность образования, что в условиях эмиграции было крайне важно, обеспечивала выбор учащимися классического или реального направления образования, кроме того, в учебных планах было предусмотрено достаточно времени на факультативные курсы, которые были заменены изучением языка, литературы, истории, географии страны, где находились гимназии, не внося существенных изменений в учебные планы.

Так как далеко не все гимназисты могли рассчитывать на получение высшего образования, гимназическое образование в эмиграции постепенно ориентируется на новые ценности практического и даже профессионального характера. Русская эмигрантская школа осознала новые задачи и ценности, зафиксировала их в документах, в учебных планах и программах. При подготовке Съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей (Прага, 1923г.) был принят документ, в котором в качестве первоочередной была поставлена следующая задача: «Русской беженской школе (в Финляндии) подлежит усвоить практический характер и давать оканчивающим ее знания, которые они могли бы использовать в жизни тотчас же по окончании школы». [25] Трудовое начало все настойчивее проникало в русские гимназии; в некоторых из них действовали мастерские, где можно было обучиться какому-нибудь ремеслу (столярному, слесарному, сапожному, переплетному, резьбе по дереву, садоводству, огородничеству), что следует рассматривать как значительную социальную поддержку и помощь вступающему в самостоятельную жизнь выпускнику гимназии.

Таким образом, в эмиграции был создан смешанный тип гимназии, учебный план которой сочетал как государственный (страны проживания), так и национальный компоненты содержания образования. По объему знаний и требований он обеспечивал поступление в вузы Европы. Его национальным ядром стала «Россика» (русский язык, литература, история, география России, Закон Божий и пение). Новый тип школы, возникший за рубежом, устанавливал тип восьмиклассной смешанной гимназии с двумя концентриками по 4 года в каждом: первая ступень была общегуманитарной, вторая делилась на два типа: реальную и гуманитарную гимназию с одним латинским языком и усилением изучения новых языков. Он отвечал потребностям эмиграции, учитывая как российский, так и мировой опыт [26].

Для разработки конкретного содержания предметов «Россики» при Педагогическом Бюро были созданы специальные программные комиссии, в которые вошли такие видные ученые, как А.Л. Бем, С. И. Гессен, А.В. Жекулина, В.В. Зеньковский, и др.

Особые надежды на предотвращение денационализации возлагались общественностью русской диаспоры на преподавание русского языка, поэтому наибольшие споры вызвала программа по русскому языку, так как «национальное в нас, - по словам В.В. Зеньковского, - конечно, ярче всего выступает в языке и через язык». [27] Русская зарубежная педагогика (С.И.Гессен, М.Л.Гофман, А.В.Ельчанинов, А.А.Земляничин, А.И.Иов, А.Е.Когосьянц, В.Пермиловский, В.А.Погорелов, П.Н.Соковнин, Л.П.Стефанов и др.) разработала ряд направлений реформирования программ по предмету, учитывая специфику русского языка как составляющего звена «Россики». Было предложено: усилить наблюдение за живым русским языком; комбинировать научность преподавания с изучением литературного языка, а не учебника грамматики; развивать творческие способности учащихся на основе анализа построения русской речи, введения курса творческих работ по предмету. [28]

В 1925 году на 11 съезде педагогических деятелей средней и низшей школы за границей

программная комиссия по русскому языку, изучив все мнения, предложила примерную программу, составленную в результате согласования нескольких программ. В ней строго проводилась формально-грамматическая точка зрения, а также учитывалась необходимость изучения лексики. Программа предусматривала три центра: задачей первого (1-2 и подготовительный классы) было научить детей правильному и толковому чтению, заложить навыки орфографии - правильного письма и приучить к связной и понятной передаче в письменной форме простых мыслей; во втором центре (3-4 класс) главное внимание уделялось выразительности чтения и уяснению законов родного языка; задачей третьего центра (5-6 класс) была подготовка учащихся к пониманию родной литературы [29].

Изучение русской литературы, так же как и русского языка, составляло основу «Россики». Оно предполагало не только ознакомление с художественной ценностью произведений, но и способствовало упрочению и сохранению национального сознания учащихся. Преподаватели не просто «сообщали учащимся определенный комплекс знаний, но и интересовывали их, чтобы незаметно национальные идеалы становились основой их мировоззрения, влияли на выработку их миропонимания и установления их взглядов на явления окружающей жизни» [30].

По предложению А.В. Ельчанинова был произведен тщательный отбор из огромного количества материала, предлагаемого русской литературой и выбраны произведения, обладающие бесспорной художественной ценностью [31]. Учащиеся должны были, в первую очередь, пройти основную школу русской классической литературы - Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина и др., а задача педагогов состояла в том, чтобы научить «читать эти произведения, вчитываться в них, извлекать из них все, доступное юному возрасту для обогащения души» [32]. Изучение произведений непременно сопровождалось различными комментариями - эстетического, исторического, лингвистического, бытового, философского характера.

Комиссия разработала программу внеклассного чтения, которая после предварительного обсуждения педагогическими советами эмигрантских школ была рассмотрена на 11 Педагогическом съезде. Обязательное внешкольное чтение не только разгружало программу по словесности, способствуя литературному образованию учащихся, но и содействовало воспитанию «национально себя сознающей личности» [33].

В условиях оторванности от России в Зарубежье произошло возрождение религиозного чувства. Православные храмы и создаваемые при школах приходы стали центрами духовного общения, объединяя людей разного возраста, положения и взглядов и способствуя сохранению российской ментальности, национальных традиций и языка. Значительная часть русской интеллигенции, оказавшейся за пределами России, пришла к внутреннему убеждению, что «безбожие есть дело глупейшее и вреднейшее из всех, затевавшихся человечеством» [34].

Религия и церковь, став фактором национальной социализации и идентификации в условиях эмиграции, вызвали необходимость осмысления ее социально-педагогической роли в формировании детей и молодежи, изучения особенностей религиозной жизни и религиозного воспитания, что потребовало подготовки православных священников, богословов и педагогов. В Париже активно работали Высшие Православные Богословские Курсы - с 1925 Богословский православный институт им. Св. Сергия., Богословский институт Св.Владимира. был создан в 1932 г. в Харбине на основе богословско-пастырских курсов.

Многие российские ученые (Н.Н. Афанасьев, К.А. Ельчанинов, Л.А. Зандер, прот. С. Четвериков и др.) считали, что и в основе национального воспитания должна лежать религия. В наследии В.В. Зеньковского выстраивается целостное понимание целей, форм, задач национального воспитания и образования на основе православия, идея которого является интегративной, глубоко пронизывающей все его творчество. Ученый был активным участником работы съездов, совещаний, конференций, посвященных вопросам национального воспитания и образования в условиях эмиграции, автором цикла статей «О национальном воспитании» [35]. Главную цель национального воспитания он видел в посвящении всех сил служению Родине и в подготовке к этому служению. Универсальной ценностью русской школы Зеньковский считает православие, потому что только оно обеспечивает подлинную свободу личности, делает возможной насыщенную духовную жизнь, непрекращающееся нравственное становление. Ученый отмечал: «Удивительная особенность нашего русского пути в эмиграции заключается в том, что нам собственно не нужно заботиться о пробуждении чувства родины: оно есть у всех. Не говорю уже о тех, кто все время жил в русской среде и рано осознал свою любовь к России, но даже те, кто офранцузился, онемечился и т.д., когда они попадают в русскую среду, прикасаются к русскому искусству, особенно, к русской песне, к русскому театру словно просыпаются от тяжелого сна и отдаются «русской стихии» с такой глубокой, неподдельной

страстью»[36]. По мнению В.В. Зеньковского, необходимо было не только накормить, одеть, обучить детей, но, прежде всего, позаботиться «о душе детской, о ее выпрямлении и оздоровлении, о ее освобождении от тяжелого груза всего пережитого». Исходя из этого, Зеньковский считал, что эмигрантские дети нуждались исключительно «в религиозном питании»[37].

Религиозное воспитание осуществлялось как в учебное, так и внеучебное время. Учащиеся принимали участие в богослужениях, крестных ходах, занимались на специальных занятиях углубленного изучения религии. Осознание самоценности общества, воспитанного в свете христианской нравственности и неразрывной связи воспитания с православной церковью, на практике привело к возникновению в Русском Зарубежье нескольких форм организации самого процесса: преподавание Закона Божия в курсе «Россика»; организация пришкольных церквей и молелен; участие в христианских союзах, движениях и объединениях. Разрабатывая более конкретные методы религиозного национального воспитания, протоиерей Востоков выделил четыре компонента этого процесса: участие в литургии; усвоение примеров русских святых, «бывших не только молитвенниками, но и мудрыми строителями отечества»; «усвоение истины, что Православный Царь необходим нам для возрождения страны»; передача дела воспитания в школе исповедникам завета «За Веру, Царя и Отечество»[38].

В учебные планы школ были введены уроки Закона Божьего. С целью уточнения их содержания была создана специальная Комиссия, в состав которой вошли: о. С. Булгаков, П.Д. Долгоруков, В.В. Зеньковский, о. Яков Ктитаров, о. С. Четвериков, которая разработала программу этого курса в рамках «Россики». После многочисленных обсуждений было принято решение о создании 3-х концентров (младший - подготовительные классы; средний - 1-4 классы; старший 5-8 классы), чем обеспечивалась большая или меньшая законченность круга знаний даже при невозможности пройти всю школу. Учебный материал был распределен по классам следующим образом: в подготовительном классе сообщались элементарные сведения из всех отделов Закона Божия (молитвы, священная история, краткий катехизис и богослужение); 1-3 класс - изучение курса священной истории Ветхого и Нового Завета; 4 класс - общая история Христианской Церкви; 5 класс - история Русской Церкви, ее влияние на различные эпохи, нравы, просвещение и так далее; 6 класс - чтение Священного Писания; 7 класс - курс Христианского вероучения; 8 класс - курс христианского нравоучения[39]. По мнению комиссии, для прохождения курса Закона Божьего необходимо отвести 2 учебных часа в неделю.

Большое значение в деле национального воспитания придавалось истории и географии. В объяснительной записке, составленной исторической комиссией, говорилось о том, что «русским педагогам в нашей эмигрантской школе надлежит проблему о преподавании истории считать одной из главных проблем как обучения, так и воспитания»[40]. Именно изучение истории содействовало и общему моральному развитию учащихся, и углублению национального чувства. В основу программы было положено изучение истории по векам (события русской истории шли параллельно с событиями Европы, чем достигалась взаимная связь всех исторических событий). Для преподавания родной истории было установлено два центра: краткий (1-2 класс) и систематический (5-8 класс), а изучение распределено на несколько лет. Таким образом, «учащиеся непрерывно, в течение всего курса, жили в атмосфере русского творчества и русской жизни»[41].

Для усиления впечатления и интереса детей на уроках истории учителя использовали легенды, альбомы с иллюстрациями из журналов, открытки и рисунки на исторические сюжеты, модели старинных предметов русской утвари художественные произведения.

География должна была дать русским детям в эмиграции сведения о России (природа, климат, население, животный мир и так далее) и характере русского быта.

Весь курс географии, кроме начальной школы, был разбит на два центра (1-4 класс - первый; 5-8 класс - второй). Располагался материал следующим образом: 1 класс - краеведение (изучение того края, в котором жили дети) (2 ч. в неделю); 2 класс - Европа (2 ч. в неделю); 3 класс - Россия (2 ч. в неделю); 4 класс - внеевропейские страны (Азия, Африка, Америка, Австралия) (2 ч. в неделю); 5 класс - физическая география (1 ч. в неделю); 6 класс - Европа (1 ч. в неделю); 7 класс - Россия (европейская и азиатская часть, Кавказ, Сибирь и Туркестан) (1 ч. в неделю); 8 класс - космография (1 ч. в неделю)[42].

Эмигранты отмечали огромную роль русской музыки в деле национального воспитания подрастающего поколения. Считая ее не только частью национальной культуры, но и могучим фактором национального воспитания, музыкальная комиссия, созданная при Педагогическом Бюро, предложила ввести музыкальное воспитание во все эмигрантские школы, взяв за основу программу С.П. Орлова. Комиссия также занималась составлением рекомендательных каталогов для слушания,

продумывала программы праздников (юбилеев писателей, праздник русской культуры и так далее), приобретала и издавала необходимые учебные пособия (книги, ноты, пластинки) Программа преподавания музыки содержала исследование корней народной музыки, сравнение песен разных народов, славянского и восточного элементов русской песни, видов русской песни и ее музыкальной обработки, изучение музыкальных произведений русских композиторов с выделением в их творчестве народных мотивов[43]. В программу, кроме пения, было введено слушание музыки, изучение теории и истории музыки (особенно русской), а также анализ музыкальных произведений (мелодии, ритма и так далее). Целью музыкального воспитания было не только «пробуждение любви и интереса к музыкальному искусству вообще, но и умение распознавать и формулировать черты русской музыки (улавливать «русскость» русской музыки)»[44].

Большое место было отведено русской духовной музыке. Наряду с этим происходило ознакомление со славянской музыкой, особенно той страны, где проживали эмигранты. Знакомство с музыкой Запада (И.С. Бах, Р. Вагнер, В.А. Моцарт и др.) допускалось лишь как иллюстративный материал, оттеняющий характерные черты русской. Хоровое пение из элемента урока превратилось в общественное явление, вылившееся в организацию церковных и светских детских хоров в учебных заведениях и вне их (например, в русской гимназии в Поновичах существовал хор[45], в русской гимназии в Праге функционировали хор, симфонический оркестр и оркестр балалаечников).

На службу идее национального воспитания были поставлена и программа по рисованию. Например, программа обучения рисованию в Болгарии содержала рекомендации по изучению русских орнаментов, росписи и архитектуры.

При разработке содержания образования национального компонента русского образования остро встал вопрос о создании учебной литературы, от качества которой зависела результативность обучения.

Все русские учебные заведения за рубежом нуждались в учебниках, поэтому в первые годы эмиграции как временная мера по ряду предметов (географии, русскому языку и др.) были введены учебники Советской России. Но постепенно, по ряду причин политического и экономического характера, их поступление из СССР прекратилось. К тому времени эмиграция создала свои издательские центры: «Слово», «Знание» (Берлин), «Пламя», «Задруга» (Чехословакия), и др., благодаря которым было выпущено много учебной литературы как русских дореволюционных (С.Ф. Балдина по физике, С.Ф. Платонова, П.Г. Виноградова по истории и др.), так и зарубежных авторов. Особый интерес был проявлен к учебникам, написанным эмигрантами. В данной связи журнал "Русская школа за рубежом" открыл специальный раздел, где печатались реклама и рецензии на учебники, вышедшие как за границей, так и в СССР[46]. Уже на 1 съезде педагогических деятелей средней и низшей школы за границей (1923 г.) с докладом «Об учебниках и учебных пособиях, необходимых для переиздания и использования в учебном процессе» выступил И.Е. Орешин[47]. Выпуск учебных пособий было делом хлопотным и малоокупаемым, однако в 20-30-е годы было выпущено множество различных учебников: по истории - П.М. Бицилли (София), Р.Ю. Виппера (Рига), Л.М. Сухотина (Белград), Е.Ф. Шмурло (Прага); по русскому языку – С.О. Карцевского (Прага), С.В. Кузнецова (Харбин), Н.К. Кульмана (Париж); по географии - Ю.Д. Новоселова (Рига) и др. Но по ряду причин материального и политического характера многие дети были вынуждены обучаться в местных учебных заведениях, что привело к сокращению учащихся в русских эмигрантских школах, а, следовательно, и выпуск учебной литературы был свернут. Учебная литература стала средством объединения разбросанных по свету эмигрантов, способствовала воспитанию у детей любви к своему Отечеству.

Издавалась и детская литература – книги, сборники стихов, русские народные сказки, альманахи для детей и юношества. Издание детских журналов практиковали многие русские беженские школы, например, Русская реформированная гимназия в Праге, гимназия в Моравской Тржебове, I Русско-сербская гимназия в Белграде и др. Выпускник I Русско-сербской гимназии IX выпуска В.П.Курганский писал, что издание гимназических журналов «быстро вошло в традицию, и скоро уже нельзя было себе представить класс без них». Основным мотивом всех произведений, публиковавшихся в журналах, служила любовь к родине, пронизывавшая каждое стихотворение, очерк, эссе и даже критические статьи гимназистов. В стенах I Русско-сербской гимназии издавались журналы «Досуги», «На чужбине», «Маяк», «Родник», «Юная Русь», «Колосья» и другие[48].

Для обеспечения разнообразной образовательно-воспитательной деятельности и удовлетворения личных интересов гимназистов при школах были организованы кружки, которые работали во внеучебное время, научные, литературные, художественные, спортивные и др. формы. Кружки коллекционеров всякого рода: фотографов, химиков, любителей ручного труда, библиотечный

кружок, культурно-просветительный, художественный численностью 318 человек, успешно работали в 20-е годы при гимназии в Моравской Тржебове. Гимназия в Нарве организовала для учащихся литературный, музыкальный, художественный и спортивный кружки. Силами гимназистов ставились спектакли, концерты, организовывались танцевальные вечера. Гимназисты посещали исторические места, памятники, музеи. Вся разнообразная внеучебная деятельность, которая не была характерна для отечественной гимназии предыдущего периода, обеспечивала индивидуальный подход к ребенку и подростку, давала детям возможность реализовать свои интересы в рамках родной культуры.

Однако далеко не все беженские дети могли посещать русские школы. В докладе князя П.Д. Долгорукова «О мерах борьбы против денационализации русских беженских детей» на совещании в Праге (1924) звучала искренняя озабоченность данной проблемой: «Когда нет возможности создать русское полное учебное заведение и когда дети помещаются в иностранные школы, особенно в интернаты, то, во избежание денационализации их, следует устраивать дополнительные русские курсы по преподаванию Закона Божия, русского языка и литературы, истории и географии России, родиноведения».[49] Критически рассмотрев ситуацию в школьном образовании, князь сделал вывод о том, что «как показал опыт, дополнительные национальные курсы по себе, без ряда других мероприятий, являются недостаточными для борьбы с денационализацией детей». Кн. Долгоруков указывает на следующие дополнительные меры борьбы с денационализацией:

1. Институт так называемых «крестников», т.е. подыскание отдельных детей, о поддержании в которых русского национального сознания, знания русского языка и знакомства со всем русским могут заботиться отдельные русские люди или группы, или учебные заведения путем переписки с ними или устной беседы, снабжения их русскими учебниками, книгами для чтения, русскими календарями, открытками и картинками, изображающими русскую жизнь; путем взятия их в русские семьи или интернаты при русских учебных заведениях по праздникам или каникулярное время, предоставление им возможности посещать богослужение или хотя бы говеть раз в год и другими мерами, согласно местным условиям.

2. Устройство летних колоний для русских детей, не учащихся в русских учебных заведениях.

3. Устройство для русских детей, посещающих иностранные школы, русских интернатов, русских домов, детских садов, площадок, клубов и очагов, в которых они проводили бы остальную часть дня хотя бы несколько часов.

4. Устройство для таких же детей, а для русских детей, живущих в иностранных семьях, русских праздников, спектаклей и концертов, игр, спортивных упражнений, прогулок и экскурсий[50].

В 30-е годы в Российском Зарубежье стали создаваться воскресно-четверговые школы и дополнительные русские национальные учебные курсы по преподаванию Закона Божьего, русского языка, литературы, истории и географии России, которые компенсировали недостаток русских учебно-воспитательных учреждений. Верно подмечая специфику воскресно-четверговой школы, С.Н. Дубровина пишет, что она была «не просто школой (в обычном смысле слова) - сюда дети приходили добровольно и только в праздничные и выходные дни (воскресенье и четверг), но она и не была кружком, так как здесь давались систематические знания. Учителя разрабатывали программы занятия и новые методы и пути преподавания». [51]

Воскресно-четверговую школу посещали дети от 5 до 18 лет. В зависимости от возраста и развития они были поделены на несколько групп: младшая группа (5-9 лет) - занятия носили характер детского сада: дети рисовали, играли, пели национальные песни, слушали русские сказки, учились читать и писать по-русски, а также учили молитвы и проходили в отдельных рассказах Ветхий и Новый Завет, рассказы о житии святых связывались с именинами детей; средняя группа (10-14 лет) - велись беседы по религиозным вопросам и отечествоведению; старшая группа (14-18 лет) - занятия проводились по четвергам и носили учебный характер. Здесь изучались Закон Божий, русский язык, история, география и литература России[52]. По воскресеньям занятия носили характер детского клуба. Ежегодно избиралась тема занятий, например Пушкин. Дети делали пушкинскую выставку, разучивали стихи и сценки. Один час каждое воскресенье обязательно отводился беседе по Закону Божьему.

Огромную роль в национальном воспитании сыграло также внешкольное образование (детские и молодежные организации скаутов, юношеский и детский отделы Русского студенческого христианского движения (РСХД), «Витязи» и «Соколы»; детские летние лагеря; «Русские Дома», которые собрали под своей крышей, библиотеки-читальни, народные театры, музыкальные коллективы и так далее). Основная задача «Русских Домов» - национальное просветительство, в этих целях регулярно читались лекции о России, устраивались литературные вечера, проводились беседы на религиозные темы. Самым крупным являлся «Русский Дом» имени императора Николая II в

Белграде, который был центром научной, просветительной и художественной жизни, приняв под свои своды Военно-научные курсы, Русский научный институт, Русскую публичную библиотеку, русско-сербские мужские и женские гимназии, начальную школу, общество «Русский Сокол» и так далее[53].

Широкое распространение получили общественно-просветительские организации, содействовавшие национальному воспитанию молодежи. Самыми крупными из них были «Русская Матица» (КСХС, 1924 г.) и «Союз ревнителей чистоты русского языка» (КСХС, 1928 г.).

«Союз ревнителей чистоты русского языка» возник в Белграде в 1928 г., (председатель Е.А. Елачич). Союз ставил своей целью содействие охране чистоты русского языка и имел непосредственную связь с литературными кругами эмиграции. «Вестник Педагогического Бюро» опубликовал «Воззвание Союза... в Югославии», где были указаны основные направления его деятельности по борьбе с денационализацией: контроль культуры речи русских детей эмигрантов; развитие чувства языка у детей младшего возраста; помощь библиотечному делу за рубежом и культивирование понимания роли русской книги в духовном развитии ребенка; содействие возникновению союзов, обществ и кружков по охране чистоты русского языка среди учащихся[54].

Значительную роль в национальном самосохранении российской эмиграции сыграла «Русская матица», которая своими корнями восходит к славянским матицам-фондам (Сербской (1826 год), Чешской (1831 год), Польской (1822 год), Словацкой (1862) и др.). «Русская матица», как организация национально-культурная, а не политическая, соединила и сблизила на общей основе любви к национальной культуре, ее традициям и ценностям многих, «кого разделяли политические и личные разногласия. Она стала центром объединения и собирания национально-культурного единого русских»[55]. Одна из целей общества «Русская Матица» - «спасение священных традиций, передачу культурных богатств русской науки, искусства и жизни ради содействия религиозному, национальному и нравственному воспитанию русских детей»[56]. Идея борьбы с денационализацией в «Русской Матице» вылилась в выпуск периодического издания для детей «Библиотека «Благовеста» (1926 г. -№1, №2, 1927 г. - №3), публиковавшего шедевры русской детской литературы. Второй выпуск, например, содержал патриотические и педагогические «Заветы Русской матицы русской молодежи» с призывами: «знать родной язык и всегда употреблять его в разговоре с русскими, изучать родную страну; быть терпеливыми и настойчивыми, не оставлять дела, не доводя его до конца; быть честными и не посрамить имени русского; сделать из себя человека, чтобы служить России; стремиться русской молодежи к объединению; возлюбить Родину свою и Веру»[57].

«Русская матица» вела разнообразную и плодотворную деятельность. Для детей и взрослых были открыты курсы обучения русскому языку, русские библиотеки и читальни, устраивались лекции, утренники и литературно-музыкальные вечера, приуроченные к юбилейным датам: 50-летию Русско-турецкой войны, годовщинам Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, и др., ежегодно устраивались праздники «День русской культуры». Театральная секция ставила спектакли, устраивала концерты, рождественские елки, в которых главное участие принимали дети и подростки.

«День русской культуры» имел большое воспитательное значение для русского населения во всех странах: «С каждым годом День Культуры становится популярнее и захватывает шире русское население, в некоторых местах на него собираются 3-4 тысячи народу. У нас этот день является не только днем выяснения наших культурных ценностей, но и выявлением наших культурных достижений за год, а вместе — днем пропаганды просвещения»[58]. Ещё в 1925г. Педагогическое бюро совместно с Правлением русских академических организаций, студенческим объединением ОРЕСО и учительским объединением приняло решение о повсеместном и одновременном праздновании дня русской культуры, приурочив его ко дню рождения А.С. Пушкина - 8 июня с целью борьбы с денационализацией русских детей за рубежом.

Таким образом, в 20-30 годы в Российском Зарубежье были найдены уникальные пути национального самосохранения через созданную системе школьного и внешкольного образования, включающую в себя появление нового типа русской гимназии и широкого распространения в нем национального компонента; создание разветвленной сети внешкольного образования (воскресно-четверговые курсы, просветительно-общественные организации); выпуск русских учебников к созданным программам по русскому языку, литературе, истории, музыке и другим «жизненно важным» национальным предметам гимназического обучения; издание детских книг и журналов, и многое другое, что позволило молодому поколению изгнанников сохранить любовь и преданность далёкой России. В этом эмигранты видели свой прямой долг и перед Родиной, и перед детьми, так как считали, что «если наш патриотический идеал заглухнет в детях наших, то есть ли смысл и в самой нашей эмиграции, на что было нам уносить наши головы от большевиков.<...> Ежедневная

молитва каждого детского эмигранта должна заключаться молением: Господи, не дай мне умереть в отчаянии, сознавая что дети мои чужды любви к России и что я не сделал всего, что мог, для того, чтобы сбросить и возвысить эту любовь»[59].

БЕРЕГА: Информационно - аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 9. – СПб., 2008. С. 30-39

[1] Совещание по борьбе с денационализацией, созванное Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага. 1924.С.6.

[2] Шумкина А. Воскресная школа // Вестник РСХД. Париж, 1927. № 6. С. 22-23.

[3] Беме А. Наблюдения и выводы // Дети эмиграции: Воспоминания. М., 2001. С. 205 - 206.

[4] Makeева Н.А. Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны» (1920 – 1930 гг. XX века): Дис. ... канд. пед. Наук. Саранск, 2003. С. 16

[5] Научная школа Е.Г. Осовского: см. напр.: Дубровина С.Н. Национальное образование и воспитание детей и подростков в российском зарубежье, 20-50 гг. XX в.: Дис канд. пед. наук. Н. Новгород, 2000.; Сухачёва В.А. Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы (1919-1939 гг.) Дис канд. пед. наук. Саранск, 1995.

[6] Раев М. Россия за рубежом. История культуры российской эмиграции (1919-1939) / Под ред. О.Казниной, пер. с англ. - М.: Прогресс-Академия. - 1994.С. 41.

[7] Осовский Е.Г. Деятели общественно-педагогического движения и педагоги Российского Зарубежья: 150 биографий. - Саранск, 1997. - 99 с.

[8] Дубровина С.К. Указ. соч., С. 7

[9] Там же, С.12

[10]Хрусталева Н.С. Психология эмиграции. (Социально-психологические и личностные проблемы): Дис. ... докт. психол. наук. - Санкт-Петербург, 1996. С. 71.

[11] Тэффи Н.А. На новый, 1927 год / Н.А. Тэффи // Ностальгия: Рассказы, воспоминания. - Л.: Художественная литература, 1989. С.190

[12] Ренников А.М. Грустное времяпрепровождение // Возрождение. 1928. 30 января.

[13] Ренников А.М. Заповеди беженца // Возрождение. 1927.12 июля.

[14] Богуславский М.В. Национальные ценностные приоритеты образования и воспитания в наследии философов русского зарубежья // Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина девятнадцатого – 90-е годы двадцатого веков). - М., 1997. С. 62

[15] Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию /Ответственный редактор и составитель П.В.Алексеев.- М.: "Школа - Пресс", 1995. С.339

[16] Ильин И.А. Путь духовного обновления. - М.: Русская книга. - Собр. соч. - Т.1. - 1993. С.183

[17] Там же, С.200.

[18] Там же, С. 204

[19] Там же, С 205

[20] ГАРФ, ф. 5785, Оп. 2, Д. 21, Л.142

[21] Дехтерев А.П. С детьми эмиграции. 192 - 1930. Шумен, 1931. С.15.

[22] См.: Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии по некоторым вопросам эмигрантской школы // Бюллетень Педагогического Бюро. Прага, 1925. N7. -С.32-33; Долгоруков П.Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн.1.-С. 63-82.

[23] Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. Белград,1931. С. 103.

[24] Там же, С.104

[25] Бюллетень Организационного Комитета по созыву Съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1923. №1. С.18.

[26] Дубровина С.Н., Указ. соч. С. 61

[27] Зеньковский В.В.Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом. Прага,1924. Кн.12. С.39-46.

[28] Русская школа за рубежом. Прага, 1927 - 1928. Кн.27. С. 378-385

[29] ГАРФ Ф. 5785 Оп. 2. Д. 33.Л.52

[30] Розенберг В. Школа в цифрах. - Прага, 1926. С. 36

[31] Ельчанинов А.В. История русской литературы в курсе средней школы // Русская школа за рубежом. - Прага, 1925. Кн. 12. С.39-46.

[32] Перемилловский В. Задачи и принципы школьного изучения русской словесности // Русская

школа за рубежом. Прага, 1929. Кн. 31. С. 38.

[33] Там же, С.36

[34] Зеньковский В.В. Педагогика. - М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. С.99

[35] Зеньковский В.В. О национальном воспитании // Бюллетень Религиозного Педагогического Кабинета, Париж, 1929. № 8. С.1.

[36] Зеньковский В.В. Бюллетень Религиозно-Педагогического Кабинета. Париж, 1931. № 11. С. 14.

[37] Зеньковский В.В. Дети эмиграции. Прага, 1925. С.160 - 161.

[38] Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1924. № 3 С.29

[39] ГАРФ. Ф. 5785 Оп.2., Д.41. Л.13

[40] Программные материалы ко 2-му Педагогическому Съезду // Бюллетень Педагогического Бюро. Прага, 1925. N 8. С.44

[41] Кульбакин СМ. О типе средней школы и учебном плане // Бюллетень Педагогического Бюро. Прага, 1924. N5. С. 81

[42] ГАРФ. Ф. 5785 Оп.1, Д. 37. Л.48

[43] ГАРФ, Ф.5785, Оп.2, Д.9, Л.21

[44] Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сборник документов. М.: ИНПО, 1995. С.126

[45] Раевская Н. Русская гимназия среди природы // Русская школа за рубежом. 1926. Кн. 19-20. С. 137

[46] Осовский Е.Г. Шукшина Т.И. Учебная литература для русской зарубежной школы 20-30-х гг. XX в. // Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья: Тезисы докладов и сообщений Второй Всероссийской научной конференции «Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья. 20-50-гг. XX в.» (Саранск, 16-18 октября 1997 г.) / Под ред. чл.-корр. РАО, проф. Е.Г. Осовского. Саранск, 1997. С.26.

[47] Раев М. Россия за рубежом. С. 88-90

[48] Первая Русско-Сербская гимназия: Памятка. Белград 1920-1944 / Сост. Г.Миткевич, П.Муравьев, Г.Скулич. Нью-Йорк, 1986. С.43 - 46

[49] ГАРФ, Ф. 5785, Оп. 2, Д. 23. Л.143

[50] ГАРФ, Ф.5785, Оп. 2, Д. 23. Л. 212.

[51] Дубровина С.Н. Указ. соч. С. 82.

[52] Семченко А.В. Внешкольное образование в педагогике Российского Зарубежья: Дис. д-ра пед. наук. Тамбов, 2002. С.217-219

[53] Русская эмиграция в Югославии. Сб. статей / Ред. А.Арсеньев и др. М., 1996. С.66

[54] ГАРФ, Ф.5785, Оп.2, Д.30, Л.166

[55] Билимович А.Д. Русская Матица. Любляна, 1924. С.1-2

[56] Русская эмиграция в Югославии.. С. 67

[57] Там же, с.69-70

[58] ГАРФ, Ф. 5785, Оп. 2, Д. 21. Л. 74.

[59] Амфитеатров А. К русскому обществу // Аня в стране чудес Детская и юношеская литература русской эмиграции (в 2-х т.). - Т.1. М.: Жизнь и мысль, 2004. С.17